

Нетрадиционный взгляд на механизм общественного развития

Косолапов Н.А.

Предлагается опирающаяся на идею социально-исторического развития гипотеза, связывающая в единое целое как явления и процессы общественной жизни, которые признаются и принимаются официальными нормами и правом, так и явления теневой экономики, арбитража, политики. По мнению автора, политическая и экономическая теории станут завершенными, лишь интегрировав эти явления как неотъемлемую составную часть жизни и развития общества.

Проблема общественного развития как социально-исторического процесса, которому (должны быть) присущи определенные закономерности, в наиболее четкой постановке была предложена как отчасти постулат, отчасти гипотеза в рамках марксистского направления западной общественно-политической мысли XIX века. Как идея, она в целом согласуется с эволюционным пониманием биологических явлений и процессов, а также с современными взглядами на геофизическую историю Земли и на эволюцию Вселенной в целом. Если все основные компоненты окружающей человека среды — космос, наша планета, жизнь на ней — прошли и проходят в их существовании через определенные, идентифицируемые опытом и наукой качественно разные стадии, ступени, этапы, логично допустить, что эволюция социальных форм на исторической шкале времени образует сходную картину.

Идея «перемен» применительно к общественным явлениям и процессам возникла на Западе, прежде всего в США, под влиянием и как альтернатива политически и идеологически неприемлемой трактовке «развития» как движения общества через этап капитализма (его «отрицание» в гегелевском смысле) дальше¹, к общественным формам, «высшим» (более сложным, продвинутым) по отношению к нему. Влияние этого политико-идеологического обстоятельства не снято, но с начала 1990-х годов неуклонно ослабляется. Одновременно в среде сторонников идеи общественного развития зреет понимание, давно само собой разумеющееся в среде естественников и биологов: появление в процессе и результате разви-

тия более сложных форм не «отменяет» формы более ранние, но дополняет их, усложняя объемлющие их всеестественно-природную среду, биологическую и социальную экологию.

Центральный теоретико-методологический, на сегодня пока философский вопрос — являются ли названные процессы *эволюцией* (т.е. следствиями и проявлениями зависимости каждого текущего состояния от траекторий приведших к нему состояний предшествующих), *развитием* (т.е. эволюцией, периодически прерываемой переходом накопленного количества в новое качество, «высшее» или «низшее» по избираемым нами критериям) или же *хаотическим процессом* (т.е. совокупностью перемен, вызываемых случайными факторами и случайным же взаимодействием этих факторов в не поддающемся не только учету, но и осмыслению множестве множеств их взаимопереплетений).

Не вдаваясь в философские аспекты этого неразрешимого на сегодня спора, постулирую базовую аксиоматику статьи:

- первое: автор исходит из идеи о *развитии* общества на исторической шкале времени, что не исключает факта и роли в этом процессе эволюционных и случайных факторов и компонентов;
- второе: ключевое значение в таком представлении о развитии имеет вопрос *реальных механизмов перехода* аккумулируемой эволюции в скачок в развитии, количества в качество;
- третье: поиск таких механизмов (если они существуют) должен в идеале опираться на мак-

Косолапов Николай Алексеевич — кандидат исторических наук, заведующий Отделом международно-политических проблем Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, профессор Кафедры политической теории МГИМО(У) МИД РФ, e-mail: kosolap@imemo.ru

■ Точка зрения

симально *полное видение* всех значимых реалий общественной жизни, а не на отбор лишь какой-то их части по каким бы то ни было критериям — идеологическим, этическим, иным. В частности, тех, что до сих пор отвергаются как явления асоциальные и антисоциальные, аморальные и/или незаконные и противозаконные.

Подобные явления, как бы они ни оценивались моралью и правом (меня будут интересовать, прежде всего, теневые стороны экономики, арбитража, политики и неотделимая от них коррупция), в силу их распространенности и повторяемости не могут не играть своей роли в развитии, а потому должны стать непременным предметом научного анализа общественно-исторического процесса. Целью статьи, таким образом, становится уточнение предложенной автором² гипотезы механизма перехода из эволюции в развитие.

Тень в экономике и политике наличествует во всех странах. В разной степени, с различными конкретными последствиями для этих стран и отдельных сторон жизни там — но повсеместно. Включая страны, которые мы склонны считать образцами прозрачности и коррупционной устойчивости. На мой взгляд, корректнее говорить о симбиозе теневых экономики, арбитража и политики (поскольку при относительно высоком уровне развития и/или на протяжении достаточно длительного времени первое не может существовать без второго; а оно, в свою очередь, начинает востребовать теневую политику и активно влияет на ее формирование и развитие). Это триединство я буду дальше для краткости обозначать понятием «тьень».

Методологически принципиальный вопрос — правомерно ли связывать коррупцию с «тьенью». На мой взгляд, в рамках политологического и политико-экономического исследований — вполне. Коррупция приносит ее получателю доходы, налоги с которых, как правило, им не уплачиваются. Уже поэтому она подпадает под наиболее распространенное понимание теневой экономики как такой, которая уклоняется от налогообложения. Это означает, что коррупция работает на благо ее получателя, в меньшей степени (ниже станет ясно, почему) — на общество, и не работает на государство или действует объективно против него. Защищая свои интересы, доходы и статус, позволяющий обеспечивать то и другое, коррупционер по понятным причинам не может открыто обращаться к институтам и нормам формального права. Поэтому даже в тех случаях, когда номинально он действует через такие институты, по существу он использует явление «приватизации государства», т.е. объективно способствует усилению теневых юстиции и политики.

Различия между явлениями коррупции и «тьени» есть и касаются прежде всего их генезиса, а также воздействия того и другого на мотивацию личности, социальных групп и общества в целом. Конкретное содержание таких различий будет рассмотрено ниже. Страновые и исторические различия касаются:

- масштабов «тьени» и ее влияния на власть, общество, политическую систему и государство;
- конкретных механизмов формирования и функционирования «тьени» в различные эпохи и в разных социокультурных условиях;
- степени ее сращенности с властью, ее места и роли в конкретных социальной, хозяйственной, политической культурах.

«Тень» как явление повсеместно и общеисторично, оно сопутствует людям на всем протяжении их истории. В иных терминах, но де-факто коррупция разного рода зафиксирована летописцами и литераторами древности в Китае и Египте, Элладе и Персии, Риме и Индии. Много позже коррупция туземных племенных верхов сделала возможным образование европейских колониальных империй (когда еще позже потребовалось опираться в их поддержании, главным образом на военную силу, ее естественно не хватило и империи распались).

В современном мире «тьень» и коррупция свойственны далеко не только обществам переходного типа (тем более, что само это понятие некорректно: любое общество в любой момент находится в переходном состоянии). К тому же, принимая понятие «общества переходного типа», мы тем самым вписываемся в сложную и достаточно жесткую систему концепций: есть, дескать, общества более развитые; есть «низшие», не дошедшие до таких высот развития (такое деление справедливо и прямо вытекает из идеи развития); но есть и некий неизбежный переход от вторых к первым, в ходе которого будут непременно изжиты недостатки развития, включая «тьень» и коррупцию. Эту последнюю идею я принять не готов: появление высших уровней развития не ликвидирует им предшествующие, но лишь теснит их, усложняя биологическую и социальную экологию.

Явления «тьени» и коррупции остаются повсеместными и в конце XX, и в начале XXI века. Убежден, что развитые страны мира стоят сейчас на пороге колоссального взрыва теневых экономики и политики. В состав «группы семи» входят, как минимум, три страны (Италия, Япония и Франция), в которых теневые экономика и политика играют очень весомую роль. Принятие в «семерку» России довело удельный вес таких стран в этой «мировой элите» до 50 процентов. Мое знакомство с США позволяет мне утверждать, что и там «тьень» имеет широкое распространение и высокую значимость, хотя ее механизмы отличаются от российских. Свои теневые экономика и политика уже сложились в целостном и глобализованном современном мире и играют нарастающую роль в мировых экономике, политике и развитии.

Этих явлений не было и не могло быть в старых традиционных международных отношениях, живших по законам военной силы. В мире глобальном, где межгосударственные отношения тяготеют к превращению из международных во «внутриглобальные», общемировые теневые явления (в до-

полнение к «тени» на страновом и региональном уровнях) неизбежны. Как неизбежно и нарастание коррупции на глобальных уровнях регулирования. Приходится задумываться о том, что явления, столь универсальные и всеисторичные, не могут не выполнять какие-то важные социальные функции. Причем именно *социальные*, а не только функции в пользу конкретных прямых бенефициариев коррупции и теневых отношений.

Я не касаюсь еще содержания таких функций; просто подчеркиваю, что их не может не быть; что они выполняются на всем протяжении истории, во всех типах общества; и что повсеместность и всеисторичность этих функций ясно указывают на их системообразующий характер. Явления, обеспечивающие выполнение столь важных общественных функций, не могут не быть неразрывно связаны со всеми другими сторонами жизни общества (назовем всю их совокупность последних «светом»); не могут не составлять с ними единого целого. И здесь методически важно определить, какие причины побуждают нас изучать «тень» и коррупцию, вообще заниматься этими проблемами.

Если это причины этического, нравственного, морального ряда, то не рискуем ли мы сильно, даже трагически ошибиться в анализе, выводах и рекомендациях, не опирающихся на достаточно глубокое научное понимание природы и сути явления? Причем именно сути, а не конкретных его проявлений, масштабов, иной внешней специфики. Изученность «тени» как явления пока трудно признать удовлетворительной³. Распространенность же этого явления ставит перед исследователем непростую нравственную задачу. Если теневая экономика России на самом деле составляет 25-40 процентов от официальной (а на практике эта цифра может быть выше), то или десятки миллионов занятых в ней людей не видят в «тени» ничего морально неприемлемого (возможно, даже усматривают в ней немало достоинств не только материального характера); или надо делать вывод о глубочайшей и вряд ли исправимой моральной деградации российского общества. Но ученый — не прокурор, не проповедник, и лично я последний вывод делать бы не рискнул.

Если мы движимы мотивами фискально-полицейского, иного прикладного характера, то чем преданнее мы ими руководствуемся, тем дальше рискуем оказаться от научного понимания явления. Для науки же «тень» и коррупция интересны тем, что их включение в картину мира не в качестве изгоев, но как одних из основных компонентов реальных жизненных процессов позволяет полнее понять действительные механизмы общественных процессов и развития. При этом изучаемое явление для науки свободно от априорных этических, вообще нормативных оценок и суждений: «тень» не есть нечто по ее природе априори негативное, тем паче криминальное. Это явление, как и всякое иное,

нуждается в познании, но индифферентно к нашим моральным суждениям о нем. И только существенно продвинувшись в понимании его сути, мы сможем обоснованно оценивать этические и нравственные аспекты оптимальных для общества путей и средств его минимизации и прикладного использования.

Распространенность, внеисторичность «тени» и коррупции указывают и на наивность убеждения, будто их удастся ликвидировать как явления. Отдельные конкретные проявления их видоизменяются и могут отмирать; но явления эти неуничтожимы, пока общество остается не суммой индивидов, но обществом. Задача изживания, уничтожения явления «тени» в абсолютной постановке невыполнима. Реалистично вести речь об ограничении масштабов, сфер распространения, определенных проявлений и последствий «тени» в конкретных условиях данных общества, страны, уровня развития, времени.

Гипотеза, которую я здесь уточняю и попытаюсь обосновать, заключается в следующем. Объективная взаимосвязь (круговорот) «света» и «тени» образует операциональный (в отличие от исторического) механизм функционирования и развития социума. Нарушение нормального баланса основных частей этого механизма (непропорциональное смещение баланса как глубже в «тень», так и ярче на «свет») не прекращает ни функционирования, ни развития общества. Оно, однако, в функциональном плане отражается на психологическом, духовном и моральном качествах как процесса жизни общества, так и его промежуточных и более отложенных итогов (т.е. нарушается психологическое здоровье общества, подрываются и/или разрушаются его социальные и нравственные ценности, что в свете российского опыта представляется самоочевидным и не требующим доказательств).

Развитие же общества испытывает при дисбалансе «света» и «тени» последствия тройкого рода (по отдельности или чаще в совокупности). Может резко, на века и даже тысячелетия, затормозиться ход развития (развитие не наблюдается, общество кажется неизменным, хотя в масштабах тысячелетий это, видимо, не так). Может смениться направленность развития (как именно, будет показано ниже). В долговременной и исторической перспективах закрепляется определенное качество социальной экологии. Под последней понимается устойчивый во времени, отграниченный от других в физическом и социальном пространствах симбиоз основных (базовых) способов существования общества в целом и образующих его элементов.

Здесь необходимо поясняющее отступление. В 1992–1994 гг. автором была предложена гипотеза об исторических корнях взаимосвязей социума и экономики в деятельностных основаниях социокультурных систем⁴. Излагать ее здесь полностью невозможно, ограничусь значимыми для темы статьи моментами. Основная идея гипотезы в том, что

■ Точка зрения

три базовых способа существования всего живого, включая человека — подборание, производство, отъем — определяют онтогенетическую сущность и функциональную специфику образующихся на основе их конкретных сочетаний экологических систем, включая социальные экологии. В последней реальное сочетание и взаимопереплетение базовых способов оказывается определяющим в детерминации всех без исключения черт и особенностей рожденной таким образом культуры. Практическое (в отличие от социально-исторического и философского его понимания) "воспроизводство действительной жизни", в свою очередь, строится на основе некоего сочетания форм деятельности, производных от базовых способов существования. Именно они лежат в основе последующих, более сложных форм и способов жизнедеятельности.

Конечно, «базовый способ существования» — не более чем идеотип, абстрактная аналитическая категория. На практике любая экология есть конкретное сочетание и взаимодействие всех способов существования (что и делает ее экологией). Закрепленные в условиях жизни и культуре народа фактические формы и способы его жизнедеятельности эволюционируют медленно, поскольку также медленно меняются объективные условия, в которых живет и действует данная социально-территориальная система. При этом их эволюция обычно больше или меньше отстает от перемен в объективных условиях жизни, а различные способы существования эволюционируют с разной скоростью, меняя тем самым не только пропорции своего взаимосочетания, но и его характер. Эта описанная «пра-модель» будет в дальнейшем исходным пунктом всех наших рассуждений.

Явление «тени» возникает там и тогда, где и когда появляется «свет»: в сумерках тени не бывает. «Свет» же образуют некие, отделившиеся от человека и общества формализованные (не обязательно только правовые; но и они в том числе, а в современном высокобюрократизированном мире — в первую очередь) правила жизни во всех ее основных сферах, которые включают собственно производство и экономику как систему перераспределения всего подобранного, произведенного и отнятого, изъятого. Таким образом, экономику никак нельзя сводить лишь к производству, тем паче отождествлять с последним.

Любые правила объективно (а часто и субъективно) отдают предпочтение одним частным и/или общественным интересам в ущерб, противовес другим. Такое предпочтение в каждом конкретном случае может быть более чем оправдано с позиций морали, блага общества и государства, требований закона и т.п. Однако от всевозможных ограничений и даже прямых запретов дискриминируемые интересы не перестают существовать; меняется лишь цена их удовлетворения (нередко так, что делает служение этим интересам еще более привлекательным, чем прежде). Введение ограничений любого рода меняет

структуру мотивации данного социума (т.е. баланс стимулов и мотивов, в нем имеющихся), но не набор мотивируемых компонентов (субъектов с их интересами) в ней.

Чем больше «света» — ограничений некоторых объективно существующих интересов, — тем больше стимулов, пространства и возможностей для «тени» и тем выше вероятность ее возникновения. Современное общество, создав сотни тысяч законов и миллионы инструкций, согласовать которые в реальном масштабе времени и в практических условиях невозможно, само загнало себя в ловушку тотальной «тени»; более того, превратило невозможность согласования бесчисленных конвенциональных норм в источник активного кормления «света» за счет фактически рэкеты им «тени». Выход из этого положения многие эксперты (включая автора) видят в радикальном сокращении числа законов, в запрете на законодательное регулирование целых сфер жизни и деятельности человека, в осознанной передаче права решения и ответственности за последствия решений на уровень неформальных отношений.

Парадокс в том, что если «свет» рождает «тень», то и последняя, в свою очередь, стремится ввести внутри себя и, по возможности и необходимости, в своих отношениях со «светом» некоторые правила, т.е. формализоваться и тем самым как бы «осветлиться». Это доказывает, в первую очередь, неизбежность каких-то формальных структур, невозможность уйти от них целиком и полностью. Проблема оптимизации сочетания формальных и неформальных структур и отношений, «света» и «тени»⁵ в жизнедеятельности общества объективна и в любом случае потребует практического решения и научной постановки.

Тенденция «тени» к самоосветлению выражается в трех очень разных, но внутренне взаимосвязанных процессах:

- в ее самоорганизации, усложнении, эволюции, развитии в пределах данных времени и общественно-политических форм (т.е. конкретных ее разновидностей) и как явления в историческом масштабе времени;
- в политической и иной коррупции, в результате которой складывается стабильная система отношений между «тенью» и «светом», постепенно и изнутри формирующая основу будущей социально-экономической системы;
- в периодическом скачкообразном (исторически революционном) свержении прежнего «света», выходе «тени» на солнце и ее превращения в новый «свет» (под лучами которого тут же начинает складываться новая «тень»).

Последнее наблюдение не должно шокировать. Если политическая и/или экономическая система обладают способностью так или иначе интегрировать в их «свет» существующие и возникающие новые сегменты социума и виды их жизнедеятельности, то пространство «тени» сжимается, не исчезая, однако

■

же, совсем. Но если становление нового социального качества происходит через потрясения, революцию, значит, прежняя система не обладала способностью мирно и эволюционно интегрировать в себя новое и оно вынужденно пребывало до времени в «тени» и/или на стыках с ней. Кроме того, если происходит революция, значит, теневые отношения и структуры достигли такого уровня развития, когда они уже не могут не вырваться на «свет» (в этом смысле любая революция есть насильственный выход на «свет» и приход к власти прежних теневых экономики и политики). Если же такой уровень их развития не достигнут, то нет и социально-экономической базы для общественных катаклизмов.

Что же такое «тьма» в ее сущности, а не только в правовом и/или в привычных экономическом и политическом, смысле? Каждому базовому способу существования соответствуют своя мораль и собственные, на его основе и из него вырастающие этика и нравственность. Это делает неизбежными их сочетание, взаимопереплетение и противоборство в любом обществе и во все времена. Рассчитывать на то, что рано или поздно победит какая-то одна «правильная» или «истинная», «высшая» мораль — не более чем иллюзия: такое было бы возможно лишь при полном и абсолютном искоренении двух других способов существования. Проистекающая отсюда объективная относительность морали делает невозможным научное определение «тени» на основе критериев нравственного порядка.

Каждому способу существования соответствует и свой комплекс типов межличностных и социальных отношений. Жизнь при помощи подбора не способна поддерживать значительные по численности социумы. В них поэтому обычно доминируют межличностные отношения и формы внутригрупповых связей и взаимодействий. Если природные условия благоприятны и численность социума растет, он просто делится на ряд самостоятельных родов, каждый из которых продолжает жить и функционировать на основе все тех же межличностных отношений. Производство, напротив, очень быстро приводит к возникновению сложной иерархии объективно необходимых социальных функций и тем самым вызывает к жизни социальные отношения и структуры, не ставя в принципе каких-либо пределов их усложнению и развитию. Вкупе с ростом численности населения эти процессы принимают масштабы, при которых существование социума и его организации — социально-территориальных систем (СТС) на базе лишь межличностных отношений становится невозможным, и на ведущее место выходят связи и отношения социальные.

Межличностные же сохраняют значение только в пределах малых групп. Безусловное господство социальных отношений ведет к появлению и выдвигает на первый план формальные структуры и связи. Отъем (насилие), начавшись исторически на уровне

межличностных отношений, прошел тот же путь развития и в наше время (не перестав существовать в межличностных отношениях в форме главным образом преступности) осуществляется посредством сложных социальных институтов и отношений — от государства с его фискальными службами до высших форм организованной преступности.

Крайне существенно и интересно, однако, что насилие в его практике периодически как бы «переливается» из официальных, формальных отношений, связей и структур в неформальные, теневые и наоборот, чем в долговременной перспективе обеспечиваются жизнь и развитие данной СТС посредством смены в ней прежних политических систем, иных организационных структур на новые. Этот процесс был особенно очевиден на постсоветском пространстве в 1990-е годы, а в некоторых новых независимых государствах продолжается поныне.

После того, как на исторической шкале времени стала необратимой «национализация» (огосударствление) насилия и отъема, и государство впервые обрело способность регулирующего воздействия на общество, политику и экономику, свободные рыночные догосударственные хозяйственные отношения и образуют потенциальную питательную среду теневой экономики. Ведь даже минимально и оптимально регулируемый государством рынок, строго говоря, уже не свободен. Если теневая экономика возникает и складывается в систему (в отличие от простой совокупности отдельных проявлений «тени»), то теневой политикой при этом оказывается та максимально свободная от идеологических, религиозных и прочих догм сфера «чистой» политики, которая обеспечивает поддержание, функционирование, развитие теневых экономики и отношений.

Возникновение института государства, таким образом, является тем историческим рубежом, на котором появление контролирующей все общество формальной структуры означает становление «света» и, как следствие, рождает «тьму». Взаимосвязь и взаимообусловленность «света» и «тени» со временем вызывают к жизни сложные отношения между государством, с одной стороны, и теневыми экономикой и политикой, с другой. Коррупция во всех ее формах есть стремление и практика представителей государства получать личную дань с теневых экономики и политики. Именно этим создаются теневые отношения вторичного уровня: не между физическими и/или юридическими лицами, но между всеми ними и государством.

На ранних этапах истории, в традиционных обществах и там, где институт государства еще относительно на равных совмещался с определяющей ролью межличностных отношений в повседневной жизни, сфера коррупции как явления была предельно узка. Коррупция была возможна лишь для чиновника, стоявшего на службе власти: только он мог «обменять» часть своего официального долга на вознаграждение

от частного лица. Во всех остальных случаях имели место сделки между частными лицами. Однако уже тогда коррупция вела к образованию такого явления, как неформальные клиентелистские связи и отношения. Тем не менее, в докапиталистических формациях коррупционные отношения обычно воспринимались как норма (хотя и вызывали понятное недовольство власти). И лишь с разделением управленческого труда и отражающей его формализацией они объявляются вне закона — сохраняя, тем не менее, их системообразующие функции и роль⁶.

В условиях современной, далеко зашедшей бюрократизации всех сторон жизни, коррупция, во-первых, резко расширяет сферу своего существования и значимости. Она становится доступной не только чиновнику, но и служащему на всех уровнях организационной иерархии; служащему как государственному, так и различным негосударственным структурам, прежде всего частным фирмам. Отсюда, во-вторых, более очевидной становится выполняемая коррупцией функция: она если не снимает совсем, то в каждом конкретном случае резко снижает эффект отчуждения человека от макросоциальных целей и смысла его деятельности, которое неизбежно возникает в крупных организационных системах⁷.

Коррупция спрямляет мотивацию личности и малых социальных групп, прямо и непосредственно связывая между собой конкретную цель и получаемое вознаграждение. Отсюда, в-третьих: главная причина устойчивости коррупции как явления — в ширящемся отчуждении человека, объективно востребующем средства преодоления, снятия этого отчуждения если не на социальном уровне, то хотя бы на личностном и групповом.

Учитывая все изложенное, объективно выполняемые «тенью» социальные функции можно условно разделить на первичные и вторичные. Основу первичных функций определяет сама социальная экология. На догосударственном этапе истории общества (когда еще не было ни «света», ни «тени») фактические неформальные, точнее, доформальные отношения обеспечивали практическую взаимосвязь трех базовых способов существования как на межличностном, так и на социальном уровнях. С появлением государства эта функция не исчезла, но формы ее исполнения претерпели принципиальные перемены, вследствие которых поддержание и эволюция социальной экологии (т.е. конкретного взаимодействия трех базовых способов существования) достигаются в современном обществе главным образом (если не исключительно) «тенью».

Со становлением института государства отъем (насилие) первым подвергся «национализации»: присвоенное государством насилие становится правом, а сохраняющаяся еще частнопредпринимательская деятельность в сфере отъема — преступностью, ибо посягает не только на личность, ее права и собственность, но объективно на права государства и всю со-

зданную им систему права в целом. Но поскольку институт государства не отменяет межличностные отношения, неформальные группы, частные интересы, и поскольку даже в XX-XXI веках с их техническими возможностями тоталитаризма и плановой экономики государство пока неспособно контролировать все аспекты жизнедеятельности человека и общества, возникают объективное пространство для «тени» и потребность в ней.

Распространение со временем вмешательства государства в два других базовых способа существования ставит в зависимость от него всю социальную экологию. Но государство движимо своими интересами и целями, социальная экология для него не более чем среда, а то и средство деятельности. Теневые отношения и структуры становятся способом выживания социальной экологии в условиях засилья и господства формальных институтов, норм и взаимосвязей, которые, выполняя те или иные функции отъема и перераспределения, тяготеют объективно к выхолащиванию социальной экологии, ее низведению до одной этой функции.

Возникает ситуация, в чем-то сродни той, когда человек уничтожает всю флору и фауну, засеивая освободившиеся пространства необходимой ему монокультурой. «Тень» на этом этапе превращается в форму сопротивления общества «самонадеянности силы» государства, его историческому невежеству, социально безответственным формам правления, эгоизму и преступности правящих элит, злоупотреблениям и шкурничеству представителей власти. «Тень» защищает общество от государства, позволяет обществу выживать и развиваться (прежде всего, в странах, где идея служения государства обществу не только не обеспечивается практически, но нередко еще прямо отрицается).

Вторичные социальные функции «тени» включают обслуживание ею интересов, которые оказались почему-либо выведенными за пределы «света» или принципиально не включаемые в него. Очевидны, как минимум, три категории причин возникновения такого положения. Новизна подходов, структур, решений, отношений может не дать обществу и власти времени успеть приспособиться и интегрировать это новое в системы данного общества. Если иных причин временного пребывания явления в «тени» нет, то ситуация решается предельно просто по прошествии большего или меньшего времени. «Тень» такого рода, по сути, вызвана инерционностью как социальных структур, так и индивидуальной и социальной психологии, потребностью человека и общества в периоде привыкания к новому. Однако нередко такое привыкание может длиться многие годы и даже десятилетия, что и обуславливает относительно высокую стабильность данного подтипа «тени».

Чаще, однако, «тень» на практике компенсирует негибкость и издержки (вплоть до нежизнеспособности) официального «света». Эти его пороки, в свою

очередь, могут диктоваться высокой степенью забюрократченности процессов хозяйствования и общественной жизни, инерционностью и инертностью бюрократического аппарата. В таких случаях чаще всего возникает картина, упомянутая выше: вокруг подобного госаппарата складывается выгодная чиновникам система «кормления» от теневой экономики и повышения своего влияния через теневую политику. Возникает и получает распространение особый вид коррупции: получение и даже вымогательство вознаграждения не за встречную «услугу», но за то, что человеку, группе, фирме не будут мешать (как правило, до возникновения потребности в очередном подношении) заниматься их основной деятельностью. Темпы развития экономики и общества при этом снижаются до предела, мотивация личности и общества к любым «светлым» видам деятельности подрывается, страна вступает на нисходящую траекторию, если раньше занимала видное место, или не может вырваться с нижних уровней мировой иерархии.

Сложнее случаи, когда «тьень» компенсирует социопсихологические предрассудки, табу (обычно религиозного или родственного ему происхождения), идеологические догмы. Без теневого рынка, фактически всегда существовавшего в бывшем СССР, централизованная плановая экономика захлебнулась бы и остановилась за месяцы, в начале 1980-х годов — за недели. Однако «ввести рынок» (т.е. всего лишь признать его и вывести из «тени» на «свет») не позволяла идеология. Фактически цели перестройки объективно заключались в том, чтобы отстранить КПСС от прямого управления экономикой, легализовать теневой рынок, осовременить политическую систему так, чтобы интегрировать в нее теневую политику, приобретшую опасно большие масштабы и влияние. Но декларировать эти цели открыто было невозможно. Итог — стихийный бунт «тени» (причем не только и не столько тех, кто вынужден был откупать свою возможность работать, но, в первую очередь, получателей вознаграждений, чьи аппетиты уже не могли удовлетворяться узкими рамками советской экономики), ее трансформация в постсоветский «свет».

«Тень» выполняет еще одну крайне важную функцию, особенно в обществах, где она компенсирует описанные выше специфику и пороки данной страны, экономики, уровня их развития. Она обеспечивает весьма высокую и надежную управляемость социальных (территориальных и отраслевых), политических и правящих элит, особенно если закрыт, не может использоваться путь прямых репрессалий. Чистый «свет» с течением времени неизбежно приводит к потере этой управляемости вследствие исчерпания практических возможностей позитивных и сдерживающих стимулов (иными словами, перестают быть достаточно эффективными и «пряник», и «кнут»; подрывается в глазах элиты авторитет институтов и лиц, распоряжающихся этими средствами).

В современном мире через теневую экономику и политику могут управляться крупные сегменты национальных элит целых государств, причем не только методами компрадорского толка: здесь и доступ на мировые рынки товаров, услуг, относительно безопасного размещения активов и капиталов; и возможности получения широкого спектра информации и специальных услуг; возможности внешнего воздействия на самые разные внутренние процессы — от выборов до тенденций экономики и технологического развития, и многое иное. Наконец, «тьень» как внутри страны, так и все более в мировых экономике и политике служит для всех аутсайдеров (от личности до государства) способом выжить, найти для себя нишу в устоявшихся взаимосвязях «света» и/или повлиять на его отношения и структуры, изменить их на доступном для аутсайдера уровне возможностей.

В условиях России XX в. «тьень» была в целом социально положительным явлением, которое позволило человеку и обществу выжить в борьбе с «государством перераспределения», при всех сменах систем, идеологий и режимов, рассматривавших общество и личность как средства его внутренней и внешней политики. И столь же неизменно не несшим перед ними никакой ответственности за все последствия проводившегося курса. Социальная экология России остается враждебной к производителю (что вполне совместимо с рыночным характером экономики). В подобной среде «тьень» как явление неизбежна; ее существенное ослабление способно вызвать экономические и социальные потрясения; а борьба с «тьенью», осуществляемая как самоцель, тормозит развитие страны и ведет к консервации низкого уровня жизни. Причина того, что страна выжила в беспрецедентных испытаниях и лишениях — во многом, если не в главном, — в явлении и масштабах теневых отношений, которые на протяжении прошлого века по большей части одни работали на человека.

Поскольку недостаточно развиты или отсутствуют вовсе альтернативные пути и средства выполнения перечисленных функций, а сами эти функции остаются социально необходимыми, то объективно возникает задача осознанной и оптимальной интеграции «тени» и «света» в интересах развития общества (а не в интересах отдельных социальных групп, как это имеет место до сих пор). Способность общества, государства к такой интеграции зависит от того, какой базовый способ существования доминирует в данной социальной экологии.

Если доминирующим оказывается совокупное насилие (т.е. все виды отъема и перераспределения вместе взятые), общество и его формальные структуры неспособны к рациональной интеграции «света» и «тени», поскольку такая социальная экология не может ни существовать без «тени», ни признать право последней на существование и неприкосновенность в определенных сферах. Как следствие, «тьень» становится не только неизбежным спутником такой

■ Точка зрения

экологии, но и неотъемлемой составной частью ее социально-территориальной и политической систем, ее важнейшей опорой. В социальных экологиях с доминированием производящего начала «тьень» может быть минимизирована до приемлемых для общества, государства масштабов. Представляется в принципе возможной постановка задачи управления «тенью» (ее масштабами, сферами распространения и пр.) в долговременных социальных, социально-политических целях.

Резкое ускорение темпов и изменение качества развития, преодоление отсталости и всего того, что связывается с переходным характером общества, экономического уклада, времени, требует не просто модернизации экономики, инфраструктур и пр., но прежде всего изменения характера всей социальной экологии, замены господства отъема (насилия и перераспределения) на диктат производящего начала. Сама модернизация окажется возможной и успешной, если для нее будет подготовлена благоприятная социальная экология: в ином случае модернизация послужит лишь закреплению и развитию социальной экологии насилия. Решение этой задачи (если оно возможно) должно будет опираться на комплекс соответствующих теорий.

Мы не поймем или не сумеем достаточно полно оценить все грани этого явления в переходных обществах, не располагая теорией теневых экономики, арбитража и политики как явлений. Наблюдения, описания, классификация по внешним признакам необходимы, но сами по себе обладают минимальным объяснительным потенциалом. Видимо, диапазон изучающих эти явления наук должен резко расширяться: потребна мультидисциплинарная общая теория явления, приложимая к обществам всех типов и состояний как частным ее случаям и способная видеть и объяснить как явление изнутри (его закономерности, механизмы, технологии и пр.), так и место явления в жизни общества в целом.

Требование теоретической цельности представлений о «свете» и «тени» принципиально. Не может быть теорией то, что видит лишь одну сторону бытия, не замечая или не желая признавать прочих его граней, их взаимосвязанности и взаимообусловленности. Если на теневую экономику и политику приходится 80-120 процентов (как было в некоторых частях СССР) или даже только 25-40 процентов по сравнению с официальными, то действительной теорией общественной жизни станет та, которая сумеет объяснить происходящее как единый, целостный процесс. Его деление на «свет» и «тьень» имеет для науки важный методологический, но не какой-либо иной, ценностный смысл. Причем с научной точки зрения безразлично, происходит этот процесс в переходном или любом ином обществе. Его специфика в обществах разного типа может быть установлена только выделением общего, инвариантного.

Явление «тени» целесообразно рассматривать на трех срезах времени: конкретном (реальном), который, в свою очередь, делится на операциональный (до 30 лет⁸) и социальный (до 3-5 поколений или 100-150

лет), а также историческом (более двух веков). На операциональном срезе явление предстает и изучается в максимально конкретных его аспектах. Исторический срез, видимо, отразит роль явления «тени» в рамках и концепциях учения о формациях и мировом развитии. Эти два среза времени должны соединяться промежуточным (назовем его «социальным»): в этой части временного спектра лежат механизмы и закономерности, сопрягающие социальную конкретику с историческими последствиями и тенденциями, что в итоге выводит на механизмы формирования и эволюции культур и цивилизаций.

Отсюда необходимость трех сопряженных концепций, соответствующих названным горизонтам продолжительности изучаемых явлений и процессов. Теория социально-исторического процесса в явной, чаще имплицитной форме доминирует сегодня в философии, политологии, теории международных отношений. Ее отличительные черты — предельно макросоциальный уровень анализа, безразмерная шкала времени, внимание к максимально устойчивым и долговременным (до абстракции) общественным отношениям «света». «Тень» в этой части современной науки вообще не находит признания и отражения; между тем именно на макроуровнях времени и общественных процессов «тьень» рождает (или участвует в формировании) отношения и явления особой социально-исторической значимости.

Теория процесса жизнедеятельности общества (назовем ее так) представлена отдельными концепциями и гипотезами в экономической теории, психологии, социологии, других общественных науках. Ее отличительные признаки — поддающийся объективному определению и измерению социальный уровень анализа, описание и изучение реальных связей и взаимодействий, измеримые (хотя часто не измеряемые) пределы продолжительности процессов во времени. Здесь «тьень» изучается экономистами, социологами, юристами, но исключительно с позиций борьбы с этим «антиобщественным» (а по сути — негосударственным или антигосударственным) явлением и не в рамках какой-либо целостной мультидисциплинарной концепции. К тому же право по природе своей — конвенция, то, о чем люди договариваются между собой. Практическая полезность права может быть сколь угодно велика, но научно-объяснительным потенциалом оно не обладает.

Теория функционирования стабильных социальных структур могла бы занять по отношению к двум первым место промежуточной. Главные ее отличия — исследование явлений и процессов с концентрацией на рождаемых общественными отношениями официальных и неформальных социальных структурах, устойчивых в пределах рассматриваемых горизонтов времени (т.е. от 30 до 100-150 лет). Жизнедеятельность и развитие общества происходят посредством своеобразного круговорота «света» и «тени», поэтому теория функционирования стабильных социальных структур (в настоящее время

отсутствующая) невозможна без того, чтобы раздел «тени» занял в ней равнозначимое по сравнению со «светом» место.

Правомерно заключить, что необходима разработка целостного куста органически взаимосвязанных теорий, способного охватить явления «света» и «тени» и их взаимосвязи во всей полноте и на всех горизонтах времени. Внутреннюю целостность, сопряженность теориям и концепциям, которые образовали бы такой куст, и возможность переходить от одних концепций/уровней анализа к другим, может придать соблюдение в процессе

их создания единого ряда методологических принципов (каких — тема отдельная⁹).

Summary: *Basing on the idea of socio-historical development, the article suggests a hypothesis aimed at embracing into a single whole both those processes and phenomena of politics and economy which are recognized and accepted by law and formal norms, as well as phenomena of shadow economies, justice and politics. The author insists that scholarly integration of those two classes of phenomena will increase explanatory potential of both economic and political theory.*

Ключевые слова	Keywords
общество, развитие, теневая экономика, теневой арбитраж, теневая политика, коррупция.	society, development, shadow economy, shadow justice, shadow politics, corruption.

Примечания

- Интересно, что термин «развитие» не встречал и не встречает политико-идеологических возражений и препятствий, когда речь идет о подтягивании стран с традиционными укладами до уровня современных во всех отношениях государств и экономик.
- Н.А.Косолапов. Круговорот «света» и «тени» как механизм общественного развития // Восток-Ориент. 2000. N1, с. 103-113. То же, но в несколько расширенном варианте — в сборнике «Теневая экономика и политическая коррупция в обществах переходного типа (афро-азиатские страны и Россия)»/ Отв. ред. В.Наумкин. — М.: ЦСПИ, 2001, с. 69-82.
- См. появившиеся в последние годы работы: Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т.Шанина. — М.: Логос, 1999; М.Гэффин, Ф.Харрисон, Г.Титова. За кулисами становления экономических теорий. От теории — к коррупции. — СПб.: Б&К, 2000; В.В.Волков. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. — СПб.; 2002; М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2005.
- См.: Н.А.Косолапов. Социум и экономика: гипотеза об исторических корнях взаимосвязей // Свободная мысль. 1992. N9; его же. Россия: в чем же все-таки суть исторического выбора? // Мировая экономика и международные отношения. 1994. NN 10, 11; его же. Социум и экономика: глобальные альтернативы // Мировая экономика и международные отношения. 1994. N12; его же. Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. — М.: Аспект-пресс, 1994. Глава 2
- Следует предупредить против отождествления формальных отношений только со «светом», а неформальных — с «тенью». На практике встречаются самые сложные ситуации, особенно когда «тень» получает возможность использовать в своих интересах и целях формальные институты, включая институты государства; или когда последние сознательно разворачиваются к участию прежде всего в теневых формах экономики, политики, арбитража.
- Итоги борьбы с коррупцией, если она будет вестись реально, многое скажут о формационной природе современной России. Но по меньшей мере странно, когда профессиональный юрист провозглашает такую борьбу при том, что понятие «коррупция» в российском праве до сих пор не определено. Б.Н.Ельцин в свое время наложил вето на законопроект, трактующий в том числе понятие «коррупция». В.В.Путин поступил так же. Д.А.Медведев об этом законопроекте пока не упоминал. Одно из двух: или борьбы реально не будет, и положение останется характерным для феодализма. Или она будет вестись неправовыми методами и средствами, т.е. выльется в расширение рейдерства — этого современного варианта феодальных войн — и еще прочнее закрепит нефеодалную формацию, продвинув ее в развитии. О природе этой формации см.: Н.Косолапов. Анклав в поле глобализации? (К политэкономии постсоветского пространства) // Россия и новые государства Евразии (пилотный выпуск). — М.: ИМЭМО РАН. 2008. С. 8-30.
- Эффект такого отчуждения давно и подробно описан в политической экономии, экономической и организационной теориях, философами и социологами.
- 30 лет по принятой в демографии классификации соответствуют средней продолжительности активной жизни одного поколения. В некоторых исследованиях этот срок предлагается в качестве "абсолютного модуля продолжительности": все в пределах этого срока в принципе подвластно человеку в его реальной жизни. Все превышающее этот срок образует структуру и содержание уже чисто социальных отношений. См.: Серов Н.К. Процессы и мера времени. Проблемы методологии структурно-диахронического исследования. — Л., ЛГУ, 1974; его же. Время и мы. — Л., ЛГУ, 1980.
- Необходимо учитывать, что развитие общества, кроме собственно социальных аспектов этого процесса, является неотъемлемой частью более универсальных процессов; а значит, подчиняется их закономерностям и несет в себе их отпечатки: (1) непрерывно продолжающегося независимо от воли человека саморазвития мира вообще; (2) развития всех и всяческих форм жизни, а также эволюции экологических систем досоциальных уровней; (3) развития исторически более ранних форм социальной жизни, которые с появлением более сложных не исчезают вовсе, но оттесняются на периферию социальных экологий и могут при определенных обстоятельствах возвращаться в ее центр.